

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-217-225

ЧЕРНЯВСКИЙ А.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственного (конституционного) и
международного права Военного университета
Министерства Обороны РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА РАСКРЫТЬ ИСТИННУЮ ПРИРОДУ ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ И СВЯЗАТЬ ЕГО С ГЛОБАЛЬНЫМ ЭТИЧЕСКИМ ПОРЯДКОМ? (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. В предлагаемой статье авторы убедительно демонстрируют, что философия права не ограничивается лишь систематизацией материала, предоставляемого позитивным правом и специализированными юридическими науками. Она ставит перед собой более амбициозную задачу: исследовать глубинную сущность феномена права, рассматривая его в контексте мирового разумно-этического порядка.

В рамках данной статьи исследуется комплекс вопросов, связанных с тем, что каждая из представленных наукой теорий содержит в себе определенную долю истины, что открывает возможность для высшего синтеза различных, на первый взгляд, взаимоисключающих воззрений.

Ключевые слова: философия права, теория государства и права, синтез взглядов, гармоничность, философско-правовая разработка, общественная жизнь, идеализм, метафизика.

CHERNYAVSKY A.G.,
Doctor of Law, Professor, Professor,
Department of State (Constitutional)
and International Law, Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

CAN LEGAL PHILOSOPHY REVEAL THE TRUE NATURE OF LAW AS A SOCIAL PHENOMENON AND LINK IT TO THE GLOBAL ETHICAL ORDER? (PART 1)

Annotation. In this article, the authors convincingly demonstrate that legal philosophy is not limited to merely systematizing the material provided by positive law and specialized legal sciences. It sets itself a more ambitious goal: to explore the profound essence of the phenomenon of law, examining it in the context of the global rational and ethical order.

This article explores a range of issues related to the fact that each of the theories presented by science contains a certain element of truth, which opens the possibility for a higher synthesis of various, at first glance, mutually exclusive views.

Key words: philosophy of law, theory of state and law, synthesis of views, harmony, philosophical and legal development, social life, idealism, metaphysics.

Современный правопорядок — это сложная система, целый мир явлений, тесно связанных с нашей жизнью. Множество специальных наук исследуют его, подтверждая богатство содержания и разнообразие вопросов. Юристы изучают отдельные аспекты этого огромного механизма.

На первый взгляд правовая жизнь и науки, её изучающие, кажутся хаотичными. Но если приглядеться, становится ясно, что это однородная область, связанная общими принципами и образующая единое целое. Отсюда вытекает логическая необходимость науки, которая исследует не отдельные аспекты правовой жизни, а всю её

совокупность в органическом единстве. Такая наука стремится найти гармонию в кажущемся хаосе специализированных дисциплин.

Для появления науки, отвечающей основному стремлению разума — стремлению к единству, необходимо два условия. Во-первых, нужно накопить разнообразный юридический материал, который требует объединения. Это значит, что должны развиваться отдельные специальные юридические дисциплины. Во-вторых, нужна база, на которой можно объединить эти дисциплины в гармоничное целое.

Разумеется, каждое из этих условий требует длительной подготовительной работы. Сегодня мы видим, что одно из них уже существует, но многое предстоит сделать для второго. Поэтому неудивительно, что наша наука появилась сравнительно поздно и является наименее разработанной среди юридических дисциплин, вызывая множество споров.

В то время как представители других юридических наук достигли компромисса по многим основополагающим вопросам, в философии права почти все главные темы остаются спорными. Однако часто спорность вопроса оказывается кажущейся. При более глубоком изучении выясняется, что каждая теория содержит долю истины, и возможен синтез различных, казалось бы, противоречащих друг другу взглядов [1].

К сожалению, многие учёные сами усугубляют разногласия. Вместо того чтобы искать истину в каждой теории, они, особенно у нас, энергично ищут недостатки и подвергают их резкой критике.

Прежде всего, возникают споры о названии «философия права». Есть и другое название — «теория государства и права», «общая теория права». Это разные науки или разные взгляды на одну науку, различные направления в её изучении?

Некоторые ученые считают, что «теория государства и права» и «философия права» — это две разные науки с разными предметами, задачами и методами. Однако, если сравнить их, можно заметить, что обе возникли из одной и той же необходимости — потребности в систематизации и гармоничном объединении юридических знаний. Их цель — удовлетворить эту потребность. Кроме того, у них один и тот же предмет исследования — правовая жизнь во всей ее полноте и целостности.

Дисциплины различаются задачами и методами исследования. Но из того, что научные задачи можно уточнять или расширять, а материал изучать разными методами, не следует, что количество наук равно числу задач и методов.

Даже если в академическом преподавании из одной науки делают несколько курсов, а ученые исследуют её с разных сторон, это не разрушает её единство. Главное — единый предмет изучения.

Обращаясь к теме, мы увидим, что теория и философия права — это одна наука. Они отличаются своими задачами и методами исследования. Ведь по сути любой вопрос теории государства и права может послужить глубокой философско-правовой разработке.

Итак, теория государства и права, во-первых, изучает наиболее общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права и во-вторых, изучает понятия, общие для всех юридических наук, и лежащие в основе всех специальных наук [2, с. 7-8]. Эти понятия объединяют разрозненные науки в единое целое, придают им внутреннее единство и служат их фундаментом.

Здесь мы сталкиваемся с самостоятельной областью вопросов, требующих решения. Это отдельная тема, и, соответственно, отдельная наука. Это не просто краткий пересказ того, о чем подробно говорится в специальных дисциплинах или науках. Напротив, это исследование вопросов, которыми ни одна из них не может заниматься.

Каждый специалист в области юриспруденции считает, что теория государства и права уже решена. Этими вопросами он не занимается и не может заниматься, иначе ему пришлось бы оставить свою специализацию. Многие понятия он принимает на веру и использует в своих исследованиях. Например, понятие права, важное для всех юридических дисциплин, не исследуется ни цивилистами, ни криминалистами, ни публицистами, ни специалистами в уголовном праве. Если мы и находим в отдельных юридических науках изложение некоторых общих вопросов права, то это связано не с недостаточной разработанностью науки, а с дискуссионностью большинства ее положений и несовершенством специальных дисциплин, которые часто не осознают своих границ¹.

¹ У нас очень нередко можно встретить в курсах специальных юридических наук подробные изложения общих вопросов права; в особенности - этим грешат курсы гражданского, государственного и уголовного права. Правда, некоторые ученые признают, что эти вопросы не входят в компетенцию их науки, но оправдывают такие экскурсы тем, что прежде чем изучать государственное право, надо предварительно знать, что такое «государство и право». Но, будучи последовательным, надо признать, что курс гражданского процесса может читать чистый математик: стоит только признать классификацию наук О. Конта и тогда можно объявить студентам, что прежде чем изучать процесс, надо знать гражданское, государственное право и тео-

Теория государства и права стремится создать стройную систему понятий, на которых основаны все юридические науки, и объединить их результаты в единое гармоничное целое, пронизанное внутренним и внешним единством. Кроме того, она исследует методы, используемые в этих науках. Очевидно, что последняя задача не относится к конкретным юридическим дисциплинам, так как методологические вопросы являются общими для всех наук [3].

Выше мы рассмотрели теорию государства и права как направление науки. Однако эта характеристика неполная. Представители этого направления считают, что для своих исследований они могут использовать только положительное право и отдельные (специальные) юридические науки. При этом некоторые ученые признают, что существуют и другие законные точки зрения на правовую жизнь. Эти точки зрения могут использовать иные материалы и ставить другие задачи, отличные от тех, что ставит теория государства и права. Но, по их мнению, все это не входит в компетенцию теории государства и права и может быть предметом отдельной дисциплины.

Некоторые ученые категорически не согласны с попытками расширить границы теории государства и права. Они считают, что наука должна быть точной, объективной и независимой от субъективных мнений. По их мнению, задача науки — изучать реальность, а не оценивать её или строить идеальные модели.

Нужно отметить, что особенностью предмета теории государства и права является и то, что государство и право исследуются во взаимосвязи, как дополняющие друг друга социальные институты. И благодаря плюралистическому подходу к изучению наиболее общих закономерностей возникновения, развития и функционирования государства и права теория создает систему знаний, в которой отражаются объективные данные о реальной политической и правовой жизни [2, с.12]. Следовательно, теория государства и права в нашей науке представляет собой сочетание позитивизма, релятивизма и реализма.

Философия права, развиваясь в рамках нашей научной традиции, принимает все положения теории государства и права, включая её методологию, цели и научные достижения. Однако она не ограничивается систематизацией материала, предоставляемого позитивным правом и специальными юридическими дисциплинами. Её главная цель — раскрыть глубинную сущность права

как явления социальной жизни и связать его с глобальным разумно-этическим порядком. Очевидно, что для решения этой задачи недостаточно тех данных, которыми располагает теория государства и права. Поэтому философия права активно использует знания из других областей науки, особенно из общей философии, метафизики и этики. Метафизический контекст ряда понятий и категорий и отражаемых в них политико-правовых явлений, как показывает практика исследований, становится более явным и значимым. В связи с этим скрытые и не всегда доступные опытному познанию аспекты проблемы излагаются при помощи метафизики, позволяющей философии права получить дополнительное знание

Из этого логически вытекает ещё одна важная задача философии права: оценить явления правовой жизни с точки зрения высших разумных и этических принципов, определить идеалы, к которым должно стремиться право. Очевидно, что для решения этих задач философия права должна выйти за рамки чисто юридической сферы и подняться над позитивным правом и обобщениями специальных наук, поскольку критерии оценки не могут быть взяты из самого изучаемого явления. В отличие от теории государства и права, философия права работает под знаменем метафизики и идеализма, отвергая релятивизм своей теории и утверждая, что существуют абсолютные основания для принципиальной оценки правовых явлений.

Наше предыдущее обсуждение подводит нас к анализу предмета и задач общей философии. Это рассмотрение крайне важно, так как только через него мы можем понять значение абсолютных начал, которые философия устанавливает, и оценок, которые на их основе делаются. Иначе говоря, мы решим вопрос о научном статусе философии права и ответим на вопрос: является ли с научной точки зрения оправданным расширение задач и материала, которое отличает философию права от общей теории права.

Итак, давайте попробуем разобраться, что же такое философия, каков её предмет и какие задачи она перед собой ставит.

Если проанализировать ответы на эти вопросы, данные разными мыслителями в разные эпохи, то первое впечатление может быть весьма удручающим. Мы сталкиваемся с множеством разнообразных определений, которые часто противоречат друг другу. Одни отождествляют философию с наукой, другие полностью отрицают её научный характер. Одни расширяют предмет и задачи философии до крайности, другие сужают их до минимума. Одни считают философию исключительно теоретической дисциплиной, дру-

рию государства и права; но предварительно надо знать социологию, а для того, чтобы знать социологию, надо знать биологию; знание биологии предполагает знание физики, химии и т. д. и наконец дойдем до математики.

гие подчёркивают её исключительно практический характер. Одни высоко оценивают философию как высшее проявление духовной жизни человека, другие относятся к ней крайне негативно, считая её низшей формой духовной жизни по сравнению с наукой.

Философия может быть определена как наука о первоосновах мира, как фантазирование в понятиях, как теория знания, как обобщение выводов всех частных наук, как учение о мире в целом, как учение о принципах абсолютной оценки, как учение о смысле жизни и о принципах человеческого поведения. Метафизика может рассматриваться как основная и важная часть философии или как нелепость. Как найти выход из этого лабиринта мнений?

Отправной точкой для решения нашего вопроса является история философии. Без чёткого критерия, позволяющего отнести произведение человеческой мысли к области философии и определить писателя как философа, такая наука была бы невозможна. Очевидно, существуют общие черты, объединяющие различные взгляды на философию.

Эти общие черты включают, во-первых, стремление к созданию единой и гармоничной системы всех наших знаний и, во-вторых, желание разработать целостное мировоззрение, которое могло бы служить надёжным ориентиром для всей жизни и деятельности человека. В зависимости от преобладания одного из этих стремлений и методов их достижения главным образом и определяется всё разнообразие мнений о предмете и целях философии.

Например, как взгляд на философию как на обобщение итогов всех конкретных наук (так называемая положительная философия), так и взгляд на неё как на науку о первопричинах мира, оба являются продуктами первого из упомянутых стремлений: позитивист полагает, что сможет создать единую, согласованную систему всех наших знаний путём объединения результатов конкретных наук, тогда как метафизик убеждён, что этой цели можно достичь только через познание первопричин, придающих смысл и значение всем частным явлениям.

История философии показывает, что размышления о мире и попытки понять его как единое целое зародились в глубокой древности. Индийская и египетская религиозные философии оставили человечеству такое значительное наследие, что его полное осмысление представляется сложной задачей для большинства исследователей. В этот ранний период истории человеческой мысли духовная жизнь была единой: все её аспекты основывались на общей религиозно-ме-

тафизической платформе, и разделение философии и науки было немыслимо. Обладание знаниями было доступно только посвященным, и лишь небольшая группа людей могла ими владеть.

В Греции, где обычно начинают изучать историю философии¹, понятия философии и науки совпадали: метафизические размышления мало чем отличались от других видов знания.

Из единой основы постепенно выделяются отдельные специальные науки, и философия утрачивает одну за другой свои области. Этот процесс продолжается и в наше время: психология, например, из раздела философии превратилась в самостоятельную дисциплину. Этот факт используется как аргумент против философии: её содержание либо уже распределено, либо должно быть распределено между специальными науками и теорией права, а философии ничего не остаётся. Также ссылаются на ошибки, допущенные некоторыми философами в вопросах, уже разработанных специальными науками. Отмечается параллель между блестящим развитием естественных наук и техники во второй половине XIX века и упадком философии. Подчёркивается очевидный прогресс специальных наук на фоне застоя философии. Все эти факты приводятся как свидетельства против философии. Даже среди самих философов звучали утверждения о том, что философия прекратила своё существование и что теперь имеет значение только её история.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что даже те, кто негативно относился к философии, ощущали необходимость в объединённом знании. Они не могли игнорировать две стороны сложного целого, которым является мир: 1) множество и бесконечное разнообразие его отдельных проявлений и 2) единство и однообразие его существенных начал. Специальные науки исследуют первую из этих сторон, удовлетворяя одну потребность нашего духа. А как же удовлетворить другую потребность нашего духа — потребность найти общее в частном, свести все многообразие явлений бытия к единству?

И здесь предлагается использовать так называемую позитивную философию. Согласно этому подходу, результаты всех специальных наук должны быть дополнительно обработаны для получения наиболее общих выводов. Частные принципы этих наук должны быть сведены к небольшому числу общих принципов. При этом

¹ Порядок этот, конечно, неправильный, т. к. мы только что видели, что философия существовала за много тысячелетий до начала греческой истории, и притом такая философия, перед глубиной которой бледнеют творения Платона и Аристотеля.

важно отказаться от исследования сущности вещей, от познания того, что не поддаётся точному наблюдению и опыту, а также от изучения сверхчувственного. Наука должна сосредоточиться исключительно на изучении явлений с целью выявления их закономерностей. В свою очередь, задача «позитивной» или «научной» философии заключается в том, чтобы свести все частные законы к возможно меньшему числу основных законов [4].

Для оценки этого направления мысли необходимо заметить следующее. Исходя из частного, мы никогда не можем получить общего. Сумма обобщений специальных наук может дать лишь механическое единство, лишённое самостоятельной жизни, самостоятельного органического характера. Ведь при такой «философии» целое возникает из частей, оно вполне обусловлено этими частями; только части и имеют самостоятельное содержание, самостоятельное бытие. Поэтому с изменением частей изменяется и целое, пассивно отражая все эти изменения. Таким образом из отмеченных выше двух сторон мира, которые чувствуются каждым человеком, остаётся только одна первая. Для удовлетворения запросов нашего духа, вызываемых второй стороной, ничего нет, т. к. те «наивысшие обобщения», о которых говорит «позитивная философия», представляют собой самообман.

Далее. Нам говорят, что мы должны отказаться от познания сверхчувственного, от познания сущности вещей, а должны удовлетвориться изучением явлений и их законов. Другими словами, человек должен отказаться от глубочайших запросов своего духа и изучать одну поверхность мира. Он должен удовольствоваться тем, что регистрирует явления и подметит, в каком порядке они совершаются. Его должен интересовать только один вопрос: как? Вопросов почему? и для чего? Он не должен ставить. Но ведь совершенно очевидно, что требования подобного рода не могут изменить природы человека. Если-бы допустить невозможное, если бы допустить, что человек окончательно превратился бы в чистого и последовательного позитивиста, что в нём атрофировались бы те стороны его духа, которые заставляют его ставить вопросы о сущности бытия, о его смысле и т. п., то человек превратился бы в животное. Человек — это существо, обладающее метафизическим началом. Метафизические запросы его души являются наиболее значимыми, глубокими и волнующими аспектами его существования. Именно они формируют его мировоззрение, которое, в свою очередь, определяет все его поступки и всю его жизнь.

Удовольствоваться пассивным отношением к миру или в лучшем случае констатацией, что явления совершаются в известном определённом порядке, не спрашивать о смысле жизни, о назначении человека, о связи окружающей нас жизни с мировой жизнью, о том, имеет ли эта мировая жизнь разумную основу и т. п. может только или окончательно опустившийся человек, или человек, поставленный в самые неблагоприятные условия, мешающие ему вспомнить о том, что он есть носитель «искры Божией», или, наконец, человек, в котором некоторые стороны его духовной жизни гипертрофировались и подавили все остальные. И чем богаче духовная жизнь человека, тем больше места отводится в ней указанным выше запросам. В широкой массе запросы эти удовлетворяются главным образом религией, высококультурное меньшинство находит полное удовлетворение только тогда, когда к религии присоединяется философия¹.

Все сказанное даёт материал для оценки наделавшего в свое время столько шума мнимого закона О. Конта о трёх фазисах человеческого развития: теологическом, метафизическом и позитивном [5]. Не говоря уже о том, что факты истории культуры идут в разрез с этим «законом», для надлежащей оценки его достаточно отметить, что позитивизм, т. е. отречение от глубочайших запросов человеческого духа, рассматривается как высшая цель всей истории культуры. Но если чистый и строго-последовательный позитивизм относится к метафизике безусловно отрицательно, считая ее низшей ступенью развития духовной жизни в сравнении с точной наукой, то на ряду с ним мы имеем направления мысли, которые хотя и отводят философии довольно почетное место в духовной жизни человечества, хотя и признают, что философия вытекает из неискоренимых, глубоких запросов духа, но тем не менее совершенно отрицают за ней научный характер.

Сущность аргументации этого направления можно свести к следующим положениям. Наука и философы резко отличаются друг от друга своим предметом и методами. Предмет науки — факты

¹ Отсюда ясно, что упадок религиозности в народе есть чрезвычайно грозный симптом, предвещающий страшную болезнь. Когда с одной стороны развивается религиозный индифферентизм, а с другой распространяется тлетворное влияние периодической прессы, полужнания и популяризации тенденциозных течений научной мысли, мы безошибочно можем предсказать более или менее скорое наступление опасных социальных кризисов. К сожалению, государство, стремясь искоренить зло, порой само становится его источником, проводя политику, которая навязывает религиозность. В особенности такая политика опасна, когда она соединяется с исключительным покровительством одной церкви.

внешнего мира, сравнительно легко поддающиеся регистрации; их мы можем наблюдать, изучать посредством опыта; построенные на основании их теории отличаются точностью и доступностью для проверки. Отсюда - непрерывный прогресс науки шаг за шагом, осторожно, тщательно изучая строго-определенную область явлений, наука медленно, но неуклонно вырабатывает свое содержание, причем каждый ученый может воспользоваться результатами своих предшественников и, опираясь на них, идти дальше.

Совершенно иное мы видим в философии. Уже всеобъемлющий ее предмет - мир, как целое, - делает невозможным строго-научное изучение. А если мы возьмём вопросы, разрешить которые хочет метафизик, то мы увидим, что разрешение их науке недоступно. Эти вопросы относятся к области сверхчувственного, т. е. недоступного для изучения при помощи научных методов. Основное начало мира, сущность духа, бессмертие души, свобода воли, смысл жизни, и т. п. - все это глубоко интересует человечество, все это настоятельно требует ответов, но ответы эти не входят в компетенцию науки. Наука на все такие вопросы реагирует однозначно: «я не могу дать ответ; я не делаю ни утверждений, ни отрицаний; у меня нет инструментов для решения этих вопросов, поэтому я их не рассматриваю в своей сфере».

Вот почему философия и наука лежат в разных плоскостях; вот почему философия представляет собой область, в высокой степени родственную искусству и религии; вот почему в ней, как отвечающей преимущественно на запросы сердца, господствует вера и субъективизм, в противоположность строгому объективизму науки. Отсюда невозможность прогресса в философии, отсюда гипотетический характер всех ответов, которые она дает. В то время, как естествоиспытатель, лингвист, историк, юрист может неопровержимо доказать свои положения и убедить каждого с фактами в руках, что данное положение есть истина, философ этого сделать не может: все то, что кажется истиной ему, будет заблуждением для человека с противоположным мировоззрением, и в лучшем случае противник скажет: «может быть это и так, но мне кажется, что и мое воззрение допустимо»¹.

¹ Можно сказать, что лучше всего, полнее всего и обстоятельнее собраны и разработаны аргументы против научного характера метафизики в капитальной работе А. И. Введенского «Логика как часть теории познания» (А. И. Введенский, Логика как часть теории познания, 2-е изд., вполне перераб., Санкт-Петербург, скл. у М.М. Стасюлевича, 1912). Не смотря на совершенно недопустимый в научных работах фельетонный стиль определенной части работы. Несмотря на то, что автору не удалось доказать не научности метафизики,

Только что охарактеризованное течение мысли, типичными представителями которого являются неокантианцы, не смотря на высокую оценку философии сходится с чистым позитивизмом в том отношении, что *ограничивает область науки изучением явлений, считая безусловно недоступным познание сверхчувственной сущности вещей и устраняя из науки категорию должного*. Чистый позитивист думает, что все мировоззрение можно построить из данных специальных наук, неокантианец убежден, что наука не исчерпывает собой всего содержания мира и нуждается в дополнении философией; позитивист презрительно относится к метафизике, неокантианец ставит ее очень высоко, как одно из глубочайших проявлений духа. Но оба они решительно отвергают научный характер философии, оба они требуют, чтобы наука изучала только «то, что есть», а не занималась бы построением идеалов и оценкой явлений с точки зрения этих идеалов. Теоретическое познание и этическая оценка лежат в разных плоскостях.

Таким образом перед нами теперь стоит вопрос: есть ли философия науки? заблуждались ли великие мыслители древние и новые, не отделяя принципиально философию от науки?

Ответ подсказывается уже исходным пунктом истории мысли, где, как мы видели, вся область знания представляла собой единство на религиозно-метафизической основе. Из этого первоначального единства дифференцируются отдельные специальные науки. Возникает вопрос: все ли содержание философии без остатка может быть распределено между специальными науками?

Для решения этого вопроса обратим внимание на следующий факт. Натуралист, математик, историк, юрист, - все они изучают известные области окружающего нас мира, изучают при помощи того инструмента, который называется разумом. Но ведь никто из них не ставит себе для разрешения таких вопросов: а каково устройство этого инструмента? Как он функционирует? Как он может постигать истину? Насколько верны его заключения? Соответствуют ли те образы, которые мы получаем в нашем уме, реальным явлениям действительности? Каковы условия познания? и т. д., и т. д.

Все эти вопросы предполагаются уже решенными. Их нельзя решать, основываясь на данных специальных наук, мы имеем самостоятельную, чрезвычайно сложную и трудную область гносео-

его доказательства убедительны лишь для сторонников определенной школы, его книга представляет, собой в высшей степени ценное пособие при изучении интересующих нас вопросов.

логию, или теорию знания. Она предшествует всем наукам, составляет общую их основу. Ее, точно также, как и родственную ей область знания – логику, нельзя поставить в один общий ряд частных, специальных наук, потому что она изучает не одну какую-нибудь определенную часть явлений мира, а служит необходимой предпосылкой для всех наук. Первостепенная важность гносеологии и логики и особый (всеобщий) характер их в сравнении со специальными науками настолько очевиден, что некоторые мыслители, отрицая научный характер метафизики, сохраняют название философии только за указанными дисциплинами.

Исчерпывается ли этим необходимостью в такой области знания, которая бы имела всеобщий характер и служила бы основой для всех частных наук? Факты подсказывают нам отрицательный ответ и говорят, что область философии нужно расширить. Мы видим, что все частные науки основываются на ряде понятий, которые эти науки не исследуют, а принимают на веру, предполагая связанные с ними вопросы решенными. Возьмём, например, такое важное, основное для всего естествознания понятие, как материя. Ни физики, ни химик, ни минералог, ни гистолог, ни зоолог, ни ботаник, ни геолог, оставаясь в пределах своей науки, не могут ответить на вопрос: что такое материя? Человек, не знакомый со специальными работами философии, и не подозревает, какие трудности представляет решение этого вопроса, какие споры он возбуждал и возбуждает. А когда он узнает, что существует чрезвычайно сильно обоснованное и имеющее выдающихся защитников воззрение на материю, уничтожающее в ней всякую «материальность» и сводящее ее к силе, он будет поражен. В одинаковом положении находятся и такие понятия, как бытие, сила, пространство, время, законы природы, их постоянство, движение, явление, причинность, свобода и т. п. Ни одна частная наука не может заниматься исследованием этих понятий, т. к. все они имеют всеобщий характер и лежат в основе частных наук. Кроме того, разработка этих понятий требует массу упорного труда и предполагает наличие особых духовных качеств, которыми не всегда обладают представители частных наук.

Все эти понятия образуют логически-строительную систему, получающую единство и внутренний смысл от высшего начала. Таким началом является *Абсолютное бытие*, как основа всего сущего. Таким образом мы получаем новую область знания, имеющую совершенно самостоятельный предмет, который никогда не может быть поделен между частными науками. Эта область знания называется метафизикой, которую можно опреде-

лить, как учение о первоначальных основах всякого бытия и о сущности мира. Если мы не забудем, что кроме указанных выше сюда входят вопросы о смысле жизни, об индивидуальности и ее отношении к целому, о свободе воли, то мы поймем, что метафизика есть центральная, важнейшая часть философии.

Метафизика есть и основа, и завершение всех частных наук. Основа - потому, что она исследует понятия, на которых строятся все науки; завершение - потому, что она, объединяя всю область знания в одно гармоничное целое, идет дальше результатов частных наук, прозревает будущее, указывает идеалы, к которым мы должны стремиться и *подвергает оценке все явления окружающего нас мира с точки зрения абсолютных принципов*. Такая оценка в зависимости от предмета и точек зрения бывает или логической, или эстетической, или этической. Она предполагает существование абсолютных ценностей, а эти ценности могут быть установлены только учением о первоначальных основах всякого бытия, о сущности мира и о его смысле. Из этого следует, что истоки этики кроются в метафизике, и что представление некоторых философов о возможности создания этики без метафизики является серьезным заблуждением. Этика стремится установить *общеобязательные нормы поведения, установить высшие критерии для оценки человеческой деятельности*. А это обусловлено *общим мировоззрением*, т. е. *воззрением на первоначальные основы всякого бытия, на сущность и смысл мира. Из растяжимого и неопределенного начала пользы, из субъективных и изменчивых чувств удовольствия и страдания невозможно вывести общеобязательных норм поведения*. Еще более безнадежны попытки вывести эти нормы из данных естествознания. А для иллюстрации безусловной зависимости этических воззрений от общего миропонимания достаточно представить себе коренное различие во всем укладе жизни двух обществ: в одном господствует чисто-материалистическое воззрение на мир и люди убеждены, что после них «вырастет лопух», а в другом - верят в разумно-этическую основу мира, в *Провидение*, управляющее его судьбами и убеждены, что непышная земная жизнь человека есть лишь звено в бесконечном развитии его бессмертного духа. Итак, мы приходим к выводу, что философия имеет свой предмет, который не может быть изменен никаким дальнейшим развитием специальных наук. Этот предмет - мир, как единое целое во всей полноте его основных определений. Создать крепкую и стабильную базу для развития мысли в различных сферах науки, объе-

динить все науки в одно гармоничное целое, связать их с общим миропониманием, установить абсолютные критерии для оценки всех явлений мира, выяснить смысл мирового процесса, – вот грандиозные, великие задачи, которые ставить себе философия. Отсюда то название, которое ей давали и дают, и которого она вполне заслуживает, – царица наук.

Теперь мы подходим к вопросу о научном характере философии. Может ли она называться наукой? Мы видели, что позитивизм безусловно отрицательно относится к метафизике. Раньше нами было указано на невозможность заменить философию тем ее суррогатом, который предлагают позитивисты в виде обработки обобщений всех частных наук. После всего сказанного о метафизике очевидно, что термин «позитивная философия» есть *contradictio in adjecto* (противоречие в определении): без метафизики немыслима философия. А для окончательной оценки позитивизма небесполезно вспомнить о существовании людей с односторонне развитой духовной жизнью. Из того, что есть ученые, для которых музыка является источником нестерпимой скуки, произведения Баха, Моцарта, Бетховена, Верди нисколько не теряют своей ценности. Точно также из того, что есть крупный имена в науке, заявляющие, что мировоззрение можно построить на началах позитивизма, релятивизма и агностицизма, великие проблемы философы никогда не перестанут волновать человечество, никогда не перестанут играть своей первостепенной роли в истории культуры. Философ всегда может ответить позитивисту, что *во всяком случае я богаче вас: я признаю все то, что и вы признаете; но я этим не удовлетворяюсь, находя что это только, бесконечно малая часть содержания мира.*

Очень метко замечает Вундт, что обыкновенно чего не знают в том и не нуждаются, и что поэтому односторонние представители специальных наук нередко бывают склонны отрицать необходимость философии. К сожалению, можно встретить и таких позитивистов, которые характеризуют философское направление ума, как течение ретроградное, реакционное, как обскурантизм. Такие писатели очень недалеко ушли от газетных борзописцев: узость и односторонность мысли тут соединяются с тенденциозностью и с отсутствием уважения к своим научным противникам.

Перейдём теперь к критике тех воззрений, которые, например, неокантианство, отводят метафизике почетное место в духовной жизни человечества, но вместе с тем отрицают ее научный характер, принципиально разделяя области науки и философии.

Основное положение, от которого исходит это направление мысли, есть агностицизм (непознаваемость). Выдающийся представитель агностицизма Спенсер признает, что за явлениями находится их основа, абсолютное бытие. Но у науки нет никаких средств, чтобы познать это бытие. Поэтому наука должна ограничиться областью конечного, областью явлений; познание сверхчувственного, бесконечного, абсолютного не ее дело¹. Прежде всего обращает на себя внимание противоречие в основном положении агностицизма: признается существование абсолютного бытия и в то же время отрицается его познаваемость. Но ведь признание этого существования — это действие разума: мы заявляем, что оно существует и что ему присущи определённые характеристики (абсолютность, сверхчувственность, бесконечность). А раз это так, то мы не имеем права говорить о непознаваемости: ведь если бы известная сторона бытия была непознаваемой, мы бы никогда не узнали о ее существовании, а тем более – мы бы не могли приписать ей каких бы то ни было определений. Отсюда ясно, что агностицизм произвольно ставит разуму границы, дальше которых он не должен идти в своем неискоренимом стремлении познать абсолютное бытие.

Список литературы:

[1] Чернявский А. Г. Основы философии права / А. Г. Чернявский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025, С. 173-178.

[2] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник, Москва, Юрист, 2004, С. 7-8.

[3] Чернявский А. Г. Генезис возникновения и развития теории разделения властей до конца XIX века: место учения в науке государственного права / А. Г. Чернявский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. С. 8-9.

[4] Чернявский А. Г. Учение о сущности права в конце XIX-го начале XX веков / А. Г. Чернявский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. С. 234.

¹ Надо заметить отличие этого направления от чистого позитивизма. Позитивизм утверждает, что существуют только одни явления. Принципы, начала, сущности представляют собой лишь результаты деятельности нашего ума; это чистые абстракции, которым ничего не соответствует в реальной действительности (номинализм средневековой философии, чистый позитивизм). Между тем агностицизм признает существование известных объективных начал, как основы явлений, но отрицает их познаваемость.

[5] О. Конт, Курс положительной философии, полный перевод с последнего 5-го французского издания под редакцией, с примечаниями и статьями С.Е. Савича [и др.], С. Петербург, Э.К. Гартье и К, 1900.

References:

[1] Chernyavsky A. G. Fundamentals of the philosophy of law / A. G. Chernyavsky. – Moscow: Limited Liability Company “Scientific Publishing Center INFRA-M”, 2025, pp. 173-178.

[2] Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook, Moscow, Lawyer, 2004, pp. 7-8.

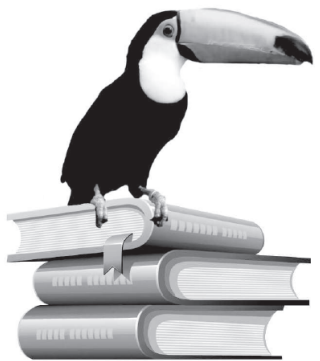
[3] Chernyavsky A.G. Genesis of the emergence and development of the theory of separation of

powers until the end of the 19th century: the place of teaching in the science of state law / A.G. Chernyavsky. – Moscow: Limited Liability Company “Scientific Publishing Center INFRA-M”, 2024. P. 8-9.

[4] Chernyavsky A.G. The doctrine of the essence of law in the late 19th and early 20th centuries / A.G. Chernyavsky. – Moscow: Limited Liability Company “Scientific Publishing Center INFRA-M”, 2025. P. 234.

[5] O. Comte, Course of Positive Philosophy, complete translation from the latest 5th French edition edited by, with notes and articles by S.E. Savich [et al.], St. Petersburg, E.K. Gartier and K, 1900.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru